

Мария Снежова

Круг снова

разомкнут!!!

Мария Снежова

Круг снова разомкнут!!!

«Издательские решения»

Снежова М.

Круг снова разомкнут!!! / М. Снежова — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-832666-0

Главная героиня волею судьбы оказывается в больнице и не может вспомнить ничего из своей жизни, даже своего имени. Единственное, что сохранилось — это брачное свидетельство, в котором стояло два имени: Анна Луиза Смит и Джон Рональд Уотерс. Выходит, что Джон — это симпатичный мужчина, который каждый день навещает Анну в больнице. Но даже он не кажется ей знакомым. Единственным спасением Анны становятся ее сны. Но прошлое оказывается не так безоблачно, как Анна думала и представляла себе...

ISBN 978-5-44-832666-0

© Снежова М.
© Издательские решения

Круг снова разомкнут!!!

Мария Снежова

*...в горе и в радости,
в богатстве и бедности,
в болезни и здравии,
любить и заботиться,
пока смерть не разлучит нас...*

© Мария Снежова, 2019

ISBN 978-5-4483-2666-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

Я открываю глаза и вижу белый потолок. Откуда я знаю что это – потолок? Не помню. Почему я уверена что он – белый? Не знаю, я просто ощущаю его белым. Белый – это цвет. А еще цвет бывает серый и розовый, и черный, как моя голова, и все что в ней находится. Потому что, кроме этой черноты внутри и белизны перед глазами, я больше ничего не чувствую. Я как будто покачиваюсь на грани черного и белого, стараясь зацепиться сознанием за что-то реальное, осязаемое, чтобы выплыть хоть к какому-то берегу, ступить на твердую почву. Бесполезно. Среди всего многообразия цветов, которое, должно быть существует вокруг, мой мир окрашен в строгие черно-белые тона, как немое кино. Кино, вот еще что-то новое. Но и это слово не оставляет никакого отклика, ускользает также быстро, как и пришло на ум, и я снова предоставлена своей двухцветной симфонии.

Я долго смотрю вверх, ни о чем не думая, отчаявшись что-то понять. Я просто даю себе отдых, за что тут же получаю вознаграждение. Я вспоминаю еще один цвет. Красный. Перед моими открытыми глазами как будто переливается красная река, с красивыми бордовыми водоворотами и вишневыми омутами. Забавное вначале зрелище постепенно начинает меня беспокоить, дыхание становится прерывисто судорожным. Мне ужасно не уютно, хочется куда-то бежать, и, пытаюсь избавиться от этого ощущения дискомфорта, я перевожу взгляд в сторону.

Окно. Окно в белоснежной раме, а в нем, разрезанное на четыре равных квадрата – синее-синее небо, на котором ни облачка. Я помню, что это – окно, а это – небо. Но не помню ничего про себя, или про то, где я.

Я впитываю в себя эту бесконечную синеву, которая, кажется, струится прямо в мои слегка приоткрытые глаза, веки не выдерживают этой тяжести чистого света и закрываются. Но и с закрытыми глазами я чувствую тепло и свет. Я думаю, что это – ранняя осень, и где-то внизу со стройных деревьев медленно облетают ярко-красные (опять красные, это тревожит) и желтовато-оранжевые листья, плавно опускаясь к своим более торопливым собратьям, уже устилающим сытую землю. Я даже ощущаю этот осенний запах, свежий и немного приземленный, такой отличный от пьянящего запаха весны. Кажется, я очень люблю раннюю осень. И от этой мысли, от возможности получить обратно хотя бы частичку моего я, мне становится ужасно радостно и легко, я улыбаюсь.

Кто-то осторожно берет меня за руку. Я снова открываю глаза, это уже становится не так легко, как вначале, и вижу человека, сидящего у моей кровати. Еще я понимаю, что я лежу под белоснежными простынями, вижу свою руку, безжизненно-худую и такую трогательную на стерильной белизне белья. Слова сначала выплывают из моей памяти, и только потом я

понимаю, что они – знакомые и что-то значат. Мне становится себя где-то жалко, но я не успеваю полностью отдаться этому чувству, так как мой взгляд притягивает чужая рука, бережно обхватывающая мои прозрачные пальцы. Она такая сильная и загорелая, что я невольно сглазыхиваю от волнения. С чего бы? Человек – мужчина – смотрит на меня серьезными глазами, гладит мою руку, его губы шевелятся, и через мгновение до меня долетает: «Как ты?».

Мне хочется сказать, что я ничего, просто немного черно-белая, но я не могу, язык не слушается, и губы не желают размыкаться. Мои губы склеены печатью молчания. Это очень романтично. Но мне это не нравится, я пытаюсь разлепить непослушные куски мяса и кожи, но от этого становится только хуже, я совсем выбиваюсь из сил.

Мои глаза наполняются слезами, я смаргиваю, он осторожно вытирает мокрую дорожку на моей щеке, что-то заботливо шепчет при этом. Я уже не вдаюсь в смысл, мне просто становится легче от того, что я – не одна, я только надеюсь, что он будет рядом всегда, стоит мне открыть глаза. А то у меня может пропасть всякое желание приходить в себя еще раз, если я не буду уверена, что снова увижу его около себя.

На этом сеанс заканчивается, я чувствую, что безумно уже устала и закрываю глаза, я отворачиваюсь, и снова куда-то проваливаюсь.

2.

В следующий раз, Когда я, то ли проснулась, то ли очнулась, за окном было темно. Меня преследует моя черно-белость, мне кажется, что я уже никогда не стану цветной, из плоти и крови, я сама себе кажусь картонной фигуркой, плоско приклеенной к кровати. Тут же вспоминается мультик, даже имена главных героев услужливо выплывают из памяти – Том и Джерри. Том – кот – был таким же плоским после очередной проделки маленькой забавной мышки, довольно брутальной, на мой взгляд. Это жестоко, проехаться по живому существу асфальтовым катком. Я начинаю злиться. От дурацких ассоциаций, от бессилия вспомнить что-то существенное, вместо этого детского бреда. Лучше бы память с такой же готовностью выдала мне мое имя, или имя того красивого мужчины, что так заботливо осушал мою вселенскую скорбь. Я огляделась, медленно поворачивая голову на подушке. Мужчины не было, рядом с моей постелью стояла медсестра (странно, я и это помню) и поправляла что-то над моей головой.

– Проснулась? – В голосе женщины была заботливость и какая-то настороженность.

Я просто посмотрела на нее, ибо, уж если рот отказался меня слушаться в разговоре с тем красавцем, то с этой толстой теткой я тем более ничего не смогу. Полная импотенция.

Женщина двигалась медленно, словно в толще воды, рассеянный, приглушенный свет ночника делал комнату похожей на сумеречный подводный мир, а ее – на рыбу наполеон, которая любит прятаться на дне в толще песка, плавающая где-то в теплых морях. Кино. Ну конечно, опять кино. Я видела это в какой-то передаче по телевизору. Такой запас знаний меня успокоил, но действия тетки явно настораживали.

Она отвернулась от меня, занявшись чем-то привычным на сервировочном столике для пыток. Я сверлила взглядом широкую спину в белом халате и прислушивалась к стеклянному позвякиванию. Мне было страшно. Что бы она там ни делала, я знала, что мне это не понравится.

Атмосфера внезапно стала зловещей, и я вспомнила, что не люблю ночь. Во всяком случае, я однозначно не люблю ночь наедине с этой массивной фигурой, которая загроживает собой что-то опасное для моего организма. Но что я могу сделать, в моем состоянии почти полной неподвижности? Мотать головой до посинения, пока она не отвалиться и не покатиться по черно-белому звенящему полу прямо к двери? А потом по коридору, и не запрыгает по сту-

пенькам веселым волосатым мячиком, с которого будет подмигивать испуганный глаз. Кстати, какого цвета у меня глаза? Я не помнила.

Но попытка вспомнить меня отвлекла, страх немного прошел, а в это время обелохалаченная фурия уже стояла рядом со мной, держа в правой руке одноразовый шприц, наполненный чем-то прозрачным. Она сначала склонилась ко мне, одновременно растирая мой локтевой сгиб чем-то холодным и вонючим. Я попыталась отодвинуться, естественно, безрезультатно. Замотала головой, как и планировала, но она только хмуро на меня взглянула.

– Все будет хорошо, сейчас сделаю тебе укольчик, и – баиньки, – заботливо причитала она, что сильнее не вязалось с ее мрачным лицом.

Еще раз, протерев место укола, она собрала свои пыточные инструменты, отодвинула процедурный столик подальше от кровати и притушила ночник над моей головой. Вышла, плотно закрыв за собой дверь и оставив меня удивляться, какой прогресс я сделала за эти несколько минут моего бодрствования. Я вспомнила столько всего, что мне требовалось какое-то время, чтобы все обдумать и систематизировать. Я надеялась на возникновение новых ассоциаций, которые тонкими ниточками заштопают мое рваное сознание, и потихоньку потянут за собой мою настоящую, а не мультяшно-киношную память. Очень на это надеялась. Но я не успела.

Правой руке стало тепло, по телу начала разливаться истома и тяжесть, я снова закрыла глаза, кровать начала плавно подо мной покачиваться, или это я начала ее раскачивать своим телом, не знаю...

«Завтра, я подумаю над этим завтра...» А это еще откуда? А будет ли у меня оно, это пресловутое завтра? Мысль мелькнула уже где-то на самом краю сознания, и я снова провалилась в мягкую, обволакивающую черноту.

3.

Тогда мне приснился первый сон. Я шла по траве, высокой, зеленой траве. Ноги с трудом выпутывались из ее вязкой прохлады. Вдруг показалась земля, и я тут же начала проваливаться вниз. Почва засасывала меня со странным, чавкающим звуком. Скоро она уже сомкнулась над моей головой, и я поняла, что начинаю задыхаться. Я закричала и проснулась, судорожно дыша, стараясь захватить ртом как можно больше воздуха.

В это утро я первый раз поела сама, то есть с ложечки, а не через вену. Как сейчас помню, на завтрак была жидкая овсяная каша, я набирала её в рот, держала там какое-то время, привыкая к этому ощущению наполненности моего речевого органа, и про себя посмеиваясь над терпением медсестры (другой, худенькой, но такой же опасной, как первая). Она уже держала наготове следующую ложку, аккуратно обтерев ее о край тарелки, чтобы не капать на мой клеенчатый слюнявчик. Ложка висела в воздухе, готовая в любой момент влететь истребителем в мой неторопливо открывающийся рот. «Прямо звездные воины какие-то», опять мелькнуло напоминание о моей бывшей жизни, и я снова рассердилась на свое бестолковое сознание. Проглотила, открыла, подержала во рту, наплатала слюной, снова проглотила. И так еще несколько раз, пока я не поняла, что, если проглочу еще ложку, просто фонтаном выплесну все обратно. Я наелась.

Попила чего-то кисленького и устало откинулась на подушки, чувствуя, что сейчас снова отключусь, но уже сама, сознательно. Просто засну от ощущения сытости и утомленности, после всех этих изматывающих упражнений по открыванию рта. И правда, заснула. Без всяких уколов, между прочим.

Весь день я провела в более-менее сознании, молча. Пыталась вспомнить что-то существенное, но безрезультатно. Отчасти из-за капризов собственной памяти, а отчасти из-за того, что много думала о том мужчине. Кто он? Кто он мне? Почему он так нежен и забот-

лив со мной? Почему не приходит? Может ли рассказать что-нибудь обо мне, чтобы я, если не вспомнила, то хотя бы узнала что-то о себе самой. Так я изнемогала целый день, машинально питаюсь, засыпая и снова просыпаясь.

Днем пришел врач, наверное, главный здесь, со смешной бородкой клинышком, и очень старающийся выглядеть как хрестоматийный доктор из детских книжек. У меня были детские книжки. Ага, очень важное заключение. Конечно, если у меня было детство, то были и детские книжки. Не клонировали же меня уже взрослой. Хотя, это объясняло бы отсутствие у меня памяти о прошлом. Просто у меня его не было, прошлого-то. Появилась уже готовенькая, большая такая тетенька. Немного вредная, где-то даже язва, но уж извините, что вылупилось, то вылупилось.

Дяденька доктор долго меня осматривал, щупал и обстукивал, с умным видом мерил пульс и слушал дыхание. Поднимая мою слегка подрагивающую руку, отсчитывая толчки крови в сосудах, он внимательно смотрел на мою кисть, как на диковинного зверя. Потом он даже пытался со мной поговорить. Я мотала головой в меру сил: сверху вниз – да, справа на лево – нет. Очень содержательная получилась беседа, ничего не скажешь. Но он, как будто, остался доволен.

Пока он, уютно расположившись на краешке моей постели, выполнял свои манипуляции с моим полуподвижным телом, за его спиной постепенно образовался полукруг из безусых и безбородых юнцов в белых халатах, внимающих своему наставнику. Я тоже пыталась слегка внимать, вполне, впрочем, безуспешно, ибо говорил он явно не на моем родном языке. Хотя вначале некоторые слова я все же понимала:

– Как видите, дорогие мои, мы в данном конкретном случае наблюдаем признаки острого психогенного сумеречного состояния, а именно: психогенно обусловленное дрожание, – в качестве иллюстрации использовалась моя рука, все еще мелко подрагивающая у него в ладонях, как пойманная птица.

– Нарушение речи, – ну конечно, молчу уже вторые сутки, – патологическая пугливость, – ага, а это ему сестрица пожаловалась. Я зыкнула в сторону медсестры. Это тоже ябедничает?

А вот потом началась полная белиберда.

– Это показывает нам, что мы были правы в своих выводах об отсутствии черепной травмы с выраженным травматическим повреждением мозга. Так как при таких повреждениях нельзя ожидать острых психогенных реакций.

Маленький доктор торжествующе поднял вверх указательный палец, его очки победоносно сверкали, сползая на самый кончик коротенького носа, а слушатели в почтении внимали, периодически забывая дышать. Эскулап, меж тем, продолжал энергично вещать:

– Что опять же, подтверждается данными электроэнцефалограммы, электронистаграммы, пневмоэнцефалограммы, а также анализом спинномозговой жидкости.

Аудитория согласно закивала головами.

– Теперь подождем, пока она заговорит, и выясним наличие невропатического развития или отдаленных последствий ее травмы, сопровождающейся сотрясением головного мозга и длительной потерей сознания. Надо быть готовыми и к повышенной аффективной лабильности, и к головным болям. А также головокружению, вплоть до изменения личности...

Все, он меня потерял. Я выпала из его речи, мысленно оглохнув.

Наконец доктор ушел, задрав бородку и удовлетворенно потирая ручонки, что-то снова декламируя непонятными словами своей свите. Которая вытекла за ним из палаты, как стая маленьких лодочек в фарватере вслед большой важной яхты. Я что же, ходила в море? Да, Бог его знает. Устала я сильно после этого осмотра, заснула и проспала до самого вечера.

Я открыла глаза как раз в тот момент, когда небо за моим окном окрасилось в розовый цвет. Наверное, садилось солнце. Мне тоже очень захотелось сесть, чтобы увидеть это прекрасное зрелище. Я попыталась приподняться в кровати, но оторвать от подушки смогла только

голову. Получалось, что самой активной частью моего тела была, пока что, только голова. Она и думала, и двигалась, и скакала по ступенькам. И даже ела. А все остальные части тела были безнадежны и вызывали мое тихое раздражение. С такими невеселыми мыслями наблюдала я закат, с ужасом ожидая ночи. Я не люблю ночь. По-моему, я это уже говорила.

Когда стемнело, меня снова охватила тоска и беспокойство. Я постепенно наполнялась липким животным страхом. Стоило мне увидеть мою сегодняшнюю медсестру с давешним шприцем в руках, я начала хмуриться и смотреть на нее жалобно. Я не хотела больше кошмаров, а в моей голове сложилось четкое убеждение, что их причина – в тех стеклянных ампулах, которые вгоняли мне в вены под прикрытием заботы о моем спокойном сне. Может раньше, пока я была без сознания, это и помогало, но сейчас очень сильно напоминало наркотическое опьянение и связанные с этим видения. Мысль меня здорово напугала. Если я так спокойно рассуждаю о наркотиках, я что – наркоманка? Но почему-то внутри я точно знала, что никогда бы не приблизилась к этой гадости даже на пушечный выстрел. Так в чем же дело?

Мои бессловесные уговоры, как обычно, не возымели никакого действия. Я отошла в мир сновидений, а точнее – кошмаров, так же легко, как и в предыдущий вечер.

И снова мне снилась зеленая трава до колен, я брела еле-еле, потеряв надежду выбраться с этого смертельного луга. Я чувствовала, что ноги все глубже погружаются в землю. Пока вдруг не провалились по икры. Я пыталась вытащить одну ногу, но тогда вторая начала проваливаться глубже. И вот я уже по бедра в земле, я отталкиваюсь от нее руками, но и руки тоже проваливаются, как в зыбучие пески. Постепенно почва сдавливает живот, потом грудь, мне уже трудно вздохнуть, я не могу расширить грудную клетку до конца, чтобы наполнить ее воздухом. Когда земля добирается до моего горла, меня охватывает паника, я раззявливаю рот в беззвучном крике, тут же проваливаюсь еще глубже, и ощущаю во рту явственный, слегка железистый вкус чернозема. Плююсь и кашляю, стараясь дышать носом. Вот уже и нос под землей, только глаза выпучиваются от бесконечного ужаса, и грудь жжет от недостатка воздуха, и я снова просыпаюсь в холодном поту и плачу от страха и собственного бессилия. Плачу от жалости к себе, от одиночества и несправедливости. Мне так себя жалко, что я начинаю всхлипывать вслух и шмыгать носом. Вытирая со щек слезы, я вдруг понимаю, что я смогла поднять руку, свинцово-тяжелую, но все-таки послушную мне. Это меня немного успокаивает и даже веселит. Значит, я – не инвалид! Аллилуйя!

4.

На такой радостной ноте начинается мой день, который принес мне немало других приятных сюрпризов. После знакомой каши меня стали обтирать влажной губкой. Сестра была совсем другая, и я порадовалась за эту преуспевающую клинику, в которой так много хорошо обученного персонала. Во время этой процедуры я смогла на себя полюбоваться и поняла, что я очень даже ничего. Надо только немного поправиться и подкачать дрябловатые мышцы. А в том, что это мне будет по силам, я уже не сомневалась, так как в это утро я первый раз села. Потом меня одели во все свежее и чистое, смешная такая рубашечка, снова белая, ну, к этому мне уже не привыкать, единственное разнообразие которой состояло в синеньком почти стершемся штампе на самом подоле. Расчесали и дали посмотреть в зеркало. Вот тогда я окончательно поняла, что я – во всеоружии. Из круглой рамки на меня смотрело существо зелеными глазами, черными ресницами и волосами цвета воронова крыла. цвет лица был не очень свеж. Но я ведь не знала, сколько я была без сознания, и не дышала свежим воздухом. Мне жутко захотелось на улицу, я отложила зеркало, и вздохнула.

И тут появился он, тот самый мужчина, которого я видела в первый день. На нем был светлый джемпер, мягкие даже на взгляд, темно-серые брюки, аккуратными складками ниспадающие на черные замшевые мокасины. Он выглядел свежим, как фиалка, в отличие от меня,

Что дало мне повод надуться, ибо я уже успела проделать несколько упражнений перед зеркалом, чтобы понять, что мне идет. На мой взгляд, надутые губки украшали меня как нельзя лучше. По-видимому, он был такого же мнения, ибо тут же сел рядом со мной на кровати и поспешно накрыл мою руку своей, как будто боялся, что я убегу. Наивный. Разве от таких красавцев, как он, бегают?

– Привет. Если слышишь меня, кивни.

– Я слышу, – неожиданно отозвалась я.

Слова выходили плохо, голос был хриплым и каким-то сиплым. Оказывается, я еще и говорить умею. Для меня сейчас все было неожиданным и слегка пугающим, я никак не могла нащупать собственную сущность, обрести какую-то уверенность, понимание, что ли. Кто я? Где? Я ничего не помнила.

– Я принес тебе яблок.

И он стал выгружать на столик у кровати красные, словно лакированные огромные яблоки. Такое и в рот-то не влезет. Представив, как я слабой рукой пытаюсь поднять и дотянуть до рта эту громадину, я даже сумела улыбнуться.

Он принял это на свой счет, и тоже заулыбался, морщинки на его лбу разгладились, он погладил меня по руке, наклонился и поцеловал в щеку.

– Я так рад, что тебе лучше. Мы все за тебя переживали.

Радуюсь, что они все за меня переживают, я поспешила высказать наболевшее:

– Скажите им, пожалуйста... Не надо больше на ночь... Мне потом очень плохо, кошмары снятся. Скажите им, пусть не колют больше...

Он судорожно сглотнул, отчего-то испугавшись моих кошмаров. Хотя не мог, конечно, чувствовать вкус земли на моем языке, и страх мой чувствовать, тоже не мог. Быстро закивал головой, поспешно принимая на себя обязательства. Стало спокойнее.

Я немного помолчала, решила все-таки перейти в наступление. Мне казалось, что не в моем характере ждать, пока меня решат поставить в известность о том, что меня сейчас больше всего интересует. Чувство неизвестности внутри росло с каждым днем становилось довольно тягостным. Итак, я сказала:

– Что случилось?

Это был самый безопасный вопрос, который я могла задать, не сообщая о своем состоянии. Я почему-то надеялась, что, если мне расскажут, что со мной случилось, я вспомню и все остальное. Конечно, приятно было казаться ему беззащитно-трогательной, но ведь не настолько же, чтобы даже не помнить собственного имени.

– Мы с тобой попали в аварию. Ты была за рулем, в твою сторону врезался грузовик, и нас снесло с дороги. Я очнулся сразу, а ты... – он опустил глаза.

Да-а... все это надо было обдумать, но – потом, потом, когда он снова уйдет, и я буду предоставлена самой себе и белохалатчикам. А пока надо воспользоваться его присутствием и узнать как можно больше.

– Сколько я была без сознания?

Я думала, он никогда не ответит, но потом все-таки решился:

– Прошло полгода.

Я закрыла глаза, но не отключилась. Тщетно пыталась вспомнить хоть что-то. Ведь должна же я хотя бы была запомнить миг перед ударом, даже если потом – полный провал. Но нет, ничего. Ни имени этого человека, ни почему и куда мы с ним ехали, ни даже своего собственного имени я вспомнить не могла. Хотя приятно было осознавать, что он здесь не просто так, что мы были вместе в том, прошлом мире, который раскололся в момент аварии, и из осколков которого я пытаюсь сейчас склеить мой настоящий мир.

Придется, видимо, признать свое поражение и спрашивать.

– Кто вы?

В его глазах взметнулся ужас, или мне это только показалось?

– Я не помню... он потер лоб, потом посмотрел на меня. – А ты? Ты тоже не помнишь, почему мы ехали вместе? Куда?

А вот это оказалось для меня уже слишком. Мое неокрепшее сознание не было готово к новым катаклизмам. В мозгу началась настоящая буря, голова у меня закружилась и я потеряла сознание.

5.

Больше из того дня я ничего не помню. И из следующего не помню. Вообще, как потом оказалось, из моего сознания снова выпала неделя. Хорошо, я хоть не забыла, что случилось до этого. А вот неделя – полный провал. Наверное, что-то было, но я не помню. Опять. Говорят, так бывает у нас, у тех, которые с амнезией. Еще и не такое бывает, не дай бог испытать.

Все это рассказал мне мой любимый доктор, когда в следующий понедельник я снова ощутила себя на знакомой постели, живой и здоровой. Судя по рассказам, я ничего особого не делала, ела, пила, спала. Никуда не бегала, никого не убила, и даже не описалась ни разу. В общем, не стыдно вспомнить. Жаль, что нечего.

На утреннем обходе профессор снова был со свитой. Мне это жутко не нравилось. Я что, подопытный кролик? Видя, что я хмурю брови и гляжу исподлобья, мой лечащий врач проговорил слегка извиняющимся голосом:

– Не сердитесь, голубушка, они медики, им нужна хорошая практика, а Вы – просто уникальный случай ретроградной амнезии.

Ага, значит, я – случай. А вот и фигушки, я – человек. Личность. И ничего на меня глядеть. Но пришлось смириться, студентам надо учиться. Может, денег меньше возьмут за лечение.

– Вы ведь ничего не помните, правда?

Я покачала головой. Толстячок обрадовался, как будто я ему лошадь на колесиках под елку положила.

– У нас три года назад был случай ретроградной частичной амнезии. Одна наша больная попала под автомобиль на улице, получила тяжелое повреждение с переломом чешуи височной кости и пришла в сознание только в больнице. Она ничего не могла вспомнить о себе, кроме того, что она Тибби. И только позже назвала место, где находится ее дом, и магазин, в котором она работала. Но у нее был перелом, а у Вас – всего-навсего сотрясение.

Что ж, это радует.

– И в прошлом году один инженер отравился светильным газом, из-за неисправности нагревательного аппарата. Так вот он не помнил ничего за несколько месяцев до отравления, даже то, что переехал в новый дом. Память к нему возвращалась частями, в течение нескольких дней. Так что Ваш случай очень редкий в медицинской практике – полная ретроградная амнезия при отсутствии органических повреждений мозга.

– Это как? – слабо поинтересовалась я, подозревая, что-то летальное.

– Это значит, мозг цел, сотрясение мы вылечили, и Вашей памяти ничего не мешает вернуться обратно.

– А что такое ретроградная? – Я опасалась последствий своего собственного вопроса, но не могла не спросить о значении странного слова.

– А это когда амнезия распространяется на события известного периода, предшествовавшего началу болезни. В нашем случае – удару головы и потере сознания. К тому же она у Вас еще и полная, то есть, Вы забыли абсолютно все. Очень редкий случай. Амнезия очень редко распространяется на несколько лет, чаще – на несколько часов, в крайнем случае, дней.

Хотя, пожалуй, назвать ее полной я все-таки тоже не могу. Вы ведь говорить не разучились. Опять же, какие-то воспоминания у Вас мелькают?

– Да, про Тома и Джерри. И цвета я помню. И про деревья, и про осень.

– Вот видите. Случай сложный и интересный. Все зависит от того, насколько сильны были у Вас связи и насколько четкими оставались следы.

– Чьи следы?

Все вежливо засмеялись. Я что-то не то сказала?

– Не чьи, а какие. В чем заключается механизм ретроградной амнезии, а? – И он в ожидании повернулся к студентам. Так, давайте экзамен устроим у моей постели.

Отвечать стал высокий молодой человек с круглыми щеками, которые от волнения стали пунцовыми. Один глаз у него слегка косил, и я никак не могла понять, смотрит он на меня, или мне это только кажется.

– Болезненный процесс, в нашем случае сотрясение мозга и длительная потеря сознания после ушиба головы о твердый предмет, приводит к торможению или полному разрушению следов, оставляемых в памяти различными раздражителями. Например, при травмах черепа ретроградная амнезия нередко представляет собой временное явление, связанное с процессом запредельного торможения. По мере устранения явлений торможения, память восстанавливается. Если же имеют место тяжелые деструктивные изменения, то нарушения памяти оказываются стойкими.

Утешил, ничего не скажешь. Я тихо прошептала:

– А у меня есть, эти тяжелые дус.. нет даструк... короче, изменения?

– Нет, голубушка, – это снова включился врач. – У Вас с головой все в порядке. Но амнезия – сложный процесс, обусловленный нарушением функций мозга в целом. Но, впрочем, Вам это уже неинтересно. А интересно Вам должно быть вот что: кушайте, спите, набирайтесь сил, поправляйтесь, и ждите возвращения Вашей памяти. Поверьте, все будет хорошо.

И он успокаивающе похлопал меня по руке, продолжая:

– Видите, все последствия шока у Вас уже прошли. Давайте-ка еще кое-что проверим.

Ответьте мне на пару вопросов, дорогуша. Где вы находитесь?

– В клинике.

– Что сегодня кушали на завтрак?

– Овсяную кашу, апельсиновый сок.

– Замечательно, очень хорошо.

Еще бы он и мне объяснил причину своей радости, я бы ее разделила.

– А вчера что делали?

– Не помню.

– Плохо, плохо...

– Как меня зовут?

– Я не знаю, Вы же мне не говорили.

– Ладно, оставим это. Повторите за мной: пять, восемь, одиннадцать, четыре.

Я послушно повторила:

– Пять, восемь, одиннадцать, четыре.

– А теперь: лампочка, волк, замок, автомобиль, улыбка.

Я представила, как обхватив обеими лапами тонкий провод, на лампочке с блаженным видом раскачивается огромный волк, все это происходит в большом сером замке с круглыми башнями, прорезанными узкими щелями окон, а вокруг замка ездит кругами автомобиль с решеткой радиатора, сложенной в идиотскую улыбку, и выпалила:

– Лампочка, волк, замок, автомобиль, улыбка.

– Очень хорошо, замечательно.

Потом снова повернулся к своей эскадрилье:

– Ну, кто может сделать выводы?

Худенький юноша маленького роста, но почему-то с большими прозрачными ушами робко предположил:

– Корсаковский психоз?

– Да Вы что, батенька? Какой психоз? Она же запоминает!

Профессор был в негодовании.

– А ну-ка, еще предположения?

Из заднего ряда раздался еще один неуверенный голос:

– Выпавшая из памяти неделя – еще одно проявление амнезии, спровоцированное психологическим шоком от неприятных новостей. Корсаковский психоз отсутствует. Большая спокойно запоминает новые факты, помнит о недавних событиях и может повторить словесные и цифровые ряды.

– Правильно, Дружочек, – на этот раз голос доктора журчал от удовольствия.

Мне тоже стало веселее, когда до меня дошло, что хоть какой-то еще психоз у меня отсутствует. Я и без него неважно себя чувствую.

Вот так вот, нагруженная непонятными медицинскими терминами, я вынесла для себя правильные простые выводы: у меня амнезия, причем полная. Голова цела, когда вернется память. Никто не знает. Что ж, будем ждать.

6.

Этот понедельник был знаменательным днем не только потому, что мне поставили диагноз: получите, распишитесь, но еще и потому что тогда я начала думать. Пусть пока не вспоминать, но хотя бы думать. Итак, что мы имеем.

Полгода какой-то человек ждет моего возвращения из комы, чтобы узнать, кто он такой, и что с ним случилось. Я прихожу в себя и тоже ничего не помню. Нас что, чем-то опоили? Накачали? Кто? Почему? Заговор или роковое стечение обстоятельств?

Мы ехали куда-то с ним вместе. Ни я, ни он не помним – куда и зачем. Полный провал. Мы с ним связаны общим прошлым, но что это за прошлое, не имеем никакого представления.

Могу себе вообразить его чувства. Что он, интересно, делал эти полгода, Не забыть бы потом, спросить. А какое я, собственно, имею право о чем-то его спрашивать? Однако, в моем горячем мозгу росло твердое убеждение, что имею. Ведь я уже пришла к выводу, что как-то мы с ним связаны? Ну не могла я пройти мимо такого мужчины. Я что, шлюха? Да нет, вроде... Просто он мне очень понравился.

Господи, как же я устала метаться в поисках себя, своего я, примеривая различные ипостаси человеческих судеб. Но это все бесполезно, ибо доктор объяснил ясно и понятно: амнезия ПОЛНАЯ. Ну, или почти полная. А это значит, что я не смогу понять, что это мое, даже если случайно в своих метаниях наткнусь на правильный ответ. У меня не сохранилось никаких воспоминаний, способных хотя бы намекнуть мне о моей прошлой жизни.

В этот вечер мне не кололи димедрол на ночь. И вообще больше не кололи, спать я стала практически спокойно. Мне не снился даже мой привлекательный товарищ по несчастью, а жаль.

Как оказалось, я была права в том, что мы с ним связаны. Связаны, да ещё как крепко. Он пришел во вторник, на следующий день после моего возвращения из сумеречной зоны моего сознания. Привычно уже уселся на краешек моей кровати, так же привычно поцеловал меня в щеку. Я тогда ещё подумала: «Какого черта он меня каждый раз целует, если не помнит, кто я ему?». Оказалось, что он и вправду не помнит, он – знает!

За то время, что я находилась в коме, он времени зря не терял, но ему удалось узнать только одно. Или два. Или три. Судите сами.

Итак, произошла авария. Наша машина, «Тайота» столкнулась с огромным лесовозом на одном из перекрестков этого штата. Хорошо, что скорость все-таки мы оба немного сбавили, все могло закончиться гораздо хуже, а так, хоть все живы остались. Когда мы свалились в кювет, дверь со стороны пассажира открылась от удара, и он выпал из машины на землю, холодную от утренней росы. Эта влага быстро привела мужчину в чувство, и он ещё успел вытащить меня и оттащить подальше, прежде чем произошел взрыв. По-видимому, наши документы были где-то в машине, потому что не осталось ничего, кроме бумажника, который был у него во внутреннем кармане куртки. Там были деньги, ровно три тысячи долларов сто долларовыми купюрами и свидетельство о регистрации брака, выданное пресвитерианской церковью Святого Георгия штата Невада. В брачном свидетельстве стояло два имени: Анна Луиза Смит и Джон Роналд Уотерс. Подпись священника была витиевата и неразборчива, число на бумаге – за месяц до аварии.

У каждого из нас на левой руке красовалось по новенькому простому обручальному кольцу, похожих на близнецы, они явно были куплены в одном месте. Оставшись одна, я рассматривала свое обручальное кольцо, примеривая на себя образ новобрачной.

Если рассуждать логически, То меня зовут Анна, а этого мужчину – Джон, мы молодожены, и, судя по месту нашего венчания, очень хотели пожениться, наверное, сильно любили друг друга.

Я думала о нем. Хорошо, я буду называть его Джон, другой альтернативы все равно нет. Так вот, я думала о Джоне, и пыталась воскресить в себе какие – то чувства. Ведь не могла же я выйти замуж без любви, как-то это на меня не похоже. Хотя, откуда я знаю, что на меня похоже, а что – нет. Я даже не знаю, кто я такая, есть ли у меня какая-то профессия, родня, дом, деньги. Какая я? Злая, эгоистичная, или альтруистка, творящая добро направо и налево? Я прислушалась к себе. Нет, никаких ассоциаций, даже намек на узнавание. Ох, грехи наши тяжкие...

Но более интересные вещи Джон рассказал мне потом, немного позже, когда я достаточно окрепла, чтобы выслушивать и неприятные новости. Полгода пытались найти Анну и Джона по всей стране, но люди с таким сочетанием имен, если и были, то быстро отпали по возрасту. Вывод: имена вымышленные, нас не существует. Если, конечно, принять за истину, что поженились все-таки мы сами, а не возили с собой в машине брачное свидетельство каких-то других людей.

Церквей Святого Георгия в данном штате оказалось немного, но не в одной из них не могли вспомнить нас как пару, венчавшуюся именно в этой церкви.

Наши фото показали по телевизору по CNN и CNBC, и даже, для надежности, по ABC и CBS. Но и после этого никто не откликнулся. Никто даже не спутал нас ни с кем, не позвонил по ошибке. Так рассказал мне Джон, и все это было очень странно.

По рисунку аварии удалось выяснить, что мы ехали по направлению к Тихоокеанскому побережью, но каков именно был конечный путь нашего назначения, оставалось загадкой.

Много часов провела я, лежа в больничной кровати и глядя в окно, пытаюсь вспомнить хоть что-то, вызвать хоть какие-то ассоциации, но все безуспешно. Мне так хотелось понять, как я отношусь к окружающему миру, к людям, что я вообще умею, может быть, у меня есть какие-то скрытые таланты.

Однажды днем, после обеда, я попросила очередную медсестру принести мне лист бумаги и карандаш. Потом поставила одно из яблок, которое принес мне Джон, на прикроватную тумбочку, и принялась тщательно его копировать на белую поверхность листа. Я, закусив губу, выводила странные кривые линии, которые упорно не желали соединяться в красный аппетитный плод. Разозлившись, я отложила бумагу, отдышалась, стараясь успокоиться и взять себя в руки. Попробовала ещё раз, но у меня снова не особо получилось. Пришлось смириться – я не художник. Может, только если Пикассо...

Потом я смотрела телевизор и пробовала провести параллели между разными героями передач и сериалов и собой, но, безрезультатно.

Выходило, что у меня нет каких-то особых талантов, я не знаю иностранных языков, не умею петь (тоже тот ещё опыт, полбольницы сбежалось, решили, что меня живьем режут), не знаю ни о чем ничего больше положенного, общепринятого. Меня это начинало раздражать. Если бы я только знала тогда, что один талант у меня все же есть. Но, об этом в свое время.

На следующее утро доктор пришел один, и я, под влиянием минуты и плохого настроения, пожаловалась ему на свои неудачные попытки. Он мерил мой пульс, добродушно меня успокаивая: – Не расстраивайтесь Вы так, милая. Вы поймите, что люди при частичной-то амнезии могут забыть какие-то приобретенные специальные знания, например, все слова иностранного языка, или разучиться играть на музыкальном инструменте, даже разучиться читать. Да-да! Не удивляйтесь. А у Вас? Полная ретроградная амнезия, чего же Вы хотите? Может вы известная скрипачка, или пианистка, но забыли, как играть. Хотя нет, – немного подумав, сказал он. – Если бы вы были известной, Вас бы уже давно кто-то опознал.

Ну вот, и здесь ничего утешительного. Что ж, пора бы уже привыкнуть.

7.

Я постепенно начала вставать, потом и ходить. Вчера, когда я медленно передвигалась пр коридору, для надежности придерживаясь за стенку, выкрашенные в тот же вездесущий мерзкий белый цвет, мимо меня провезли женщину на каталке. По-видимому, ее отправляли на операцию. Ее седая голова мерно покачивалась на плоской подушке, рядом сменила медсестра.

Проезжая мимо меня, женщина повернула голову, встретилась со мной глазами и торопливо выпростала старую морщинистую руку из-под одеяла, протягивая в моем направлении. Ее глаза расширились, и губы начали шевелиться. Она явно меня узнала. Я подалась к ней всем телом, уже готовая оторвать от стены руку и вцепиться зубами в возможность раскрытие моей тайны. Но медсестра уверенно прижала её к простыням, заставив лечь и приговаривая: «Тихо, тихо, Вам нельзя волноваться, после операции поговорите. Все будет хорошо». Откуда она, интересно, знает, плохо будет или хорошо? Ясновидящая ты наша! Но мне ничего не оставалось, как проводить тележку безнадежным взглядом, а потом метаться в неведении по своей палате, ожидая, когда закончиться операция, а потом она отойдет от наркоза.

Так постепенно наступил вечер, и пришел Джон. Я подалась ему на встречу, забыв поздороваться:

– Она меня знает! Та женщина на каталке, она знает, кто я, – судорожно сжимала я его руку. – Она так смотрела на меня, узнавая. . .

– Хорошо, хорошо, только не волнуйся, тебе нельзя волноваться.

Он гладил меня по голове, не позволяя заглянуть в глаза.

– Я сейчас же найду её и все узнаю, хочешь?

– Да, да, конечно, хочу! – Я чуть не кричала от нетерпения. – Может, она узнает и тебя тоже. Иди. Иди же!

И вот я уже отталкивала его от себя, поторапливая. Он быстро повернулся и вышел. Бесшумно закрылась дверь. Я снова осталась одна со своими надеждами и страхами. Щеки мои горели, а руки были ледяными, я то и дело прижимала их к лицу, чтобы погасить пылающий под кожей огонь. Огонь не гас.

Он вернулся не скоро. У меня не было часов, но мне показалось, что прошло несколько суток с момента его ухода. Я уже устала бегать по палате, и молча, сидела на своей постели, глядя в одну точку, не в силах больше думать. Почему я не пошла с ним? Надо было пойти. Я уже приготовилась встать, когда Джон вошел в темнеющую комнату.

В свете ночника его лицо показалось мне бледным.

– Ну что? Что?

Я мяла покрывало, теребила его в потных ручонках, ждала и боялась услышать, что он мне скажет.

– Я не мог с ней поговорить, она спит.

Бессознательно я испустила громкий стон.

– Где же ты был так долго?

– Долго? Да меня не было полчаса.

– Всего полчаса? А мне показалось, дольше.

– Что тебе показалось? У тебя же нет часов. Хочешь, я оставлю тебе свои?

И он с улыбкой снимает с левого запястья плоские элегантные часы на кожаном лоснящемся ремешке. Я, как во сне, слежу за его движениями. И мне кажется, что меня обманули. Меня надули, как в детстве, когда фокусник-клоун доставал у меня из-за уха монетку. Перед этим отвлекая моё внимание на что-то другое, милый жест, типа этого, с часами. Я трясую головой, я не ребенок. Хотя надо взять на заметку, у меня появилось ещё одно воспоминание из детства.

Джон читает это в моих глазах и успокаивающе произносит.

– Не волнуйся. Во-первых, я кое-что узнал о ней на посту. А во-вторых, завтра с ней уже можно будет поговорить. Если хочешь, мы пойдем вместе.

Я растерянно киваю головой. Внимательно его слушаю.

Старую женщину зовут Мэри Скотт. Не смешно. Эти серые американские миллионные имена, как Джон, как Анна. Как... Стоп, а ведь Джон и Анна... Ладно, забыли. Она местная. Работала кассиром в каком-то кафе, месяц назад вышла на пенсию, вполне заслуженную, между прочим. Я забыла сейчас, сколько ей лет, я до сих пор не всегда могу вспомнить все детали, сказываются последствия аварии. Ей делали пустяковую операцию по удалению камней из желчного пузыря. Маленькие такие камешки. Разноцветные. Они переливаются и перекапываются, как в калейдоскопе, который я с замирающим сердцем поворачиваю его так и этак, абсолютно замороженная сверканием этих граней, и искрами полыхающего света.

Вдруг у меня вырывают из рук игрушку, и несколько раз сильно бьют по щекам. Я закрываю руками вспухшие и больные отески чьих-то ладоней, глаза мои наполняются слезами. Я поднимаю голову, надо мной нависла большая фигура, но я не вижу лица, мешают слезы, они все густеют и густеют, пока, наконец, не проливаются бешеным потоком, прямо на плюшевого мишку, на которого меня швырнула чья-то безжалостная рука. Я прижимаюсь к нему щекой, я знаю, что потом у меня на скуле отпечатается его маленький хитрый глаз, когда я буду смотреть на себя в зеркало, размывая слезы и судорожно всхлипывая от боли и унижения, а также от бессилия и ненависти. Ненависти страшной, как цунами, душасей и накрывающей меня с головой.

Даже проснувшись, я ощущала это сильное чувство. Я часто дышала, моя беленькая невинная рубашечка стала мокрой от пота, от меня пахло скверным запахом страха. Но постепенно все успокоилось. Это только сон, дурной сон. Наверное, опять что-то вкололи. Вчера я сама не заметила, как уснула.

Утром я все время торопила время. Торопила кашу, торопила апельсиновый сок, опостылевшие пилюли и утренний обход. Торопила свои руки, которые никак не хотели просовываться в рукава казенного халатика. Торопила приход Джона. Но я так его и не дождалась. Я летела по коридорам своей больнички, к сестринскому посту. Летела, конечно, сильно сказано. Мой полет заключался в огромном желании не упасть и концентрации всей моей силы воли, чтобы чаще шаркать разношенными тапочками без задников.

Тяжело облокотившись на стол, покрытый стеклом, я сбивчиво принялась объяснять девушке «по вызову», я имею в виду кнопкой в палате, конечно, свою проблему.

– Она меня вспомнила, понимаете, она меня узнала. Я должна с ней поговорить, где она лежит? Может, она уже пришла в себя?

Медсестра встала, обогнула стол и подошла ко мне. Я была ей безумно благодарна, так как почувствовала, что ещё немного – и я упаду. А уж чтобы дойти до палаты моей спасительницы, не могло быть и речи. Сестра взяла меня под руку и подвела к скамеечке, стоящей прямо напротив её столика. Усадила. Молча. Сама села рядом.

У меня отчего-то засосало под ложечкой. Я повернулась лицом к девушке, она была молоденькой, почти девочка, лет восемнадцать, не больше. Из-под шапочки выбивались пряди нежно-рыжих волос, а нос и щеки были усыпаны умильными веснушками. Должно быть, когда она улыбалась, у неё на щеках плясали весёлые ямочки. Но сейчас её лицо было грустным, каким-то даже торжественным. Она взяла меня за руку. Меня уже начал пугать этот жест. Почему все хватают меня за руку? Из этого не вышло ничего хорошего. Потом мне обычно говорят или делают гадости.

– Понимаете, она вам уже не поможет... Она...

– Говорите же! – раздраженно и немного резко поторопила я сестричку.

– Она умерла сегодня ночью.

Я готова была вцепиться в эти ее веснушки и содрать их своими ногтями с ее лица, все, до одной, если она не прекратит делать такие паузы. Она даже слегка отпрянула от меня, сбивчиво продолжая, слава Богу, немного быстрее:

– Сердце. Не выдержало наркоза. Ее нашли сегодня утром, уже холодную.

А вот это лишнее. Не надо таких подробностей. Я умираю каждую ночь, я знаю очень хорошо, как это – умереть. Я сама могу вам рассказать в деталях, что такое чувствовать себя мертвой. Так что не надо, детка. Я еще недостаточно сильна для таких рассказов.

Она помогла мне дойти до кровати. Я рухнула, как подкошенная. В голове пусто. Где же ты, моя черно-белая кинолента? Сейчас самое время включиться, чтобы заполнить эту зияющую пропасть моего сознания своими видениями. А то так и свихнуться не скоро, то есть, недолго. Это тоже где-то я уже слышала. Неужели во мне нет ничего своего? Я только повторяю чужие мысли. А чувства? Способна я чувствовать? Или так и буду жить чужими высказываниями и собственными снами?

Влетел в палату запыхавшийся Джон.

– Я знаю. Бедная моя девочка.

Он обнял меня за плечи, прижал к себе. От него свежо пахло небом и ветром, увядающей травой и снова яблоками.

Я не плакала. Не было сил. Мне было горько-горько, но не настолько, чтобы окончательно потерять надежду. Я верила, что обязательно вспомню все-все, я была оптимисткой, и стакан моей жизни всегда был на половину полон.

8.

Сегодня у меня появилась соседка по палате. Лучше бы она этого не делала. Не появлялась, в смысле.

Ее вкатили на носилках два дюжих санитаря, молча, переложили на кровать. Следом сестричка начала крутиться вокруг, прилаживая капельницу и поправляя подушку и одеяло. Только когда она отошла, я смогла разглядеть вновь прибывшую соседку.

Женщина лет сорока. С небрежно покрашенной сединой, острым носом и ввалившимися щеками. Судя по хлопотам вокруг нее, я подумала было, что она без сознания. Но оказалось, что глаза ее открыты, только смотрит она в потолок, не поворачивает головы, и вообще не подает никаких признаков жизни, кроме редкого подмаргивания. Причем глаза у нее были расширены, а брови приподняты, как будто в удивлении, или каком-то ожидании.

Мне быстро наскучило наблюдать за неподвижным телом. И я отвернулась.

Минут через двадцать вошел доктор Гаррисон. Теперь-то я уже знала, как его зовут. Блеснул приветственно очками в мою сторону, сел рядом с женщиной. Я уже примерно знала, что он будет делать, так что смотреть было не интересно. А вот послушать!

– Как Вас зовут?

– Розмари Браун.

– Что с Вами случилось, Вы помните?

– Да. Я попала в аварию. Я не должна была...

– Что не должна?

– Мой ребенок!

Голос ее повысился, она заметно заволновалась.

– С Вашим ребенком все в порядке, его забрал Ваш муж. Все хорошо, не волнуйтесь.

– Я не должна была. Я плохая мать.

– Вы хорошая мать. И ничего страшного не случилось. Вашу машину только слегка задело. Никто не пострадал. Вы помните?

– Да, я помню. Я не должна была. Я плохая мать.

И дальше отвечала речитативом, почти тоже самое, на все остальные вопросы доктора. Наконец, доктор встал и, пробурчав что-то себе под нос, стал давать указания медсестре по уходу и манипуляциям с больной.

Он уже собрался уходить, когда я спросила его:

– Доктор, что с ней случилось?

Он снял очки, и устало потёр переносицу. И я увидела, что за задорным блеском стекол прячутся печальные глаза, видевшие на своем веку немало людской боли и страданий. Мне стало его безумно жалко, захотелось взять его в охапку и прижать к своей груди, по-матерински, разумеется.

– Родила поздно, год назад. Ей сорок пять. Сейчас вышла на работу, не хотела терять место, а муж был против этого. Он настаивал, чтобы она сидела дома и смотрела за ребенком. И вот результат.

Видя, что я смотрю на него в изумлении, не понимая, в чем же, все-таки, дело, доктор стал рассказывать более подробно.

– У нее, по-видимому, сложился комплекс, когда она долго не могла родить. А вот теперь противоречие: идти ли работать или остаться дома с ребенком, его еще более усугубило. Она работает на машине, экспедитором, развозит мелкие заказы из каталога по домам. И вот она решила брать с собой ребенка. Хорошее решение, но не с ее психикой. Если бы что-то случилось с ребенком, это вызвало бы нервный срыв. Оно и случилось.

Она заправлялась на бензозаправочной станции, и как раз собиралась отъезжать, когда стоящий перед ней грузовик стал трогаться, забыв переключить передачу, и дал задний ход. Столкновение, она ударилась головой, ребенок же не пострадал совсем, он сидел пристегнутым на заднем сиденье. Знаете, в таком детском кресле?

Я кивнула.

– Теперь она вряд ли сможет сесть за руль. Я столько таких случаев видел за свою практику.

Доктор тяжело вздохнул.

– Этот несчастный случай подействовал как психический шок, именно он приведет (я так думаю, по крайней мере) к «физическому» отказу от вождения. Невропатическое развитие. Часто после травмы человек меняет свой образ жизни, привычки, у него появляются фобии. И нельзя объяснить это самой травмой или несчастным случаем. Нет, это только катализатор, предпосылкой же является патологическая структура личности, нерешенный или долгое время назревающий конфликт. В данном случае – боязнь потерять мужа из-за того, что она сначала

не могла родить, а потом оказалась плохой матерью, и в то же время страх потерять хорошо оплачиваемую работу, которая ей нравилась и давала чувства независимости.

– И что теперь с ней будет?

– Ничего страшного. Вылечим. Только работу придется сменить. А более вероятно – сядет дома, станет воспитывать ребенка и ждать мужа с работы.

– А почему она так странно себя ведет?

– Ой, дорогуша, не забивайте Вы себе голову. Просто типичное психогенное сумеречное состояние после ушиба.

Могу себе представить свое лицо при этих словах. По крайней мере, его это развеселило, и он продолжил уже более бодро:

– Ложное слабоумие. В отличие от настоящего оно обратимо, то есть может быть устранено. Так что все в порядке, не переживайте. Надеюсь, она Вам будет не очень мешать.

Сказать по правде, она мне мешала, и даже очень. Но всего два дня. Потом её забрал домой муж, и я снова могла засыпать в тишине, а не под колыбельную монотонного шепота. И ночью меня больше не будили резкие крики ее кошмаров, которые будоражили еще две палаты, находящиеся по соседству, справа и слева от нашей.

А я подумала, что пусть бы я лучше бредила, но помнила, кто я и что. Меня угнетало мое беспомощное состояние. Еще больше меня угнетало то, что я сама ничего не могла сделать для того, чтобы от него избавиться. Мне приходилось ждать милости судьбы, которая бы вдруг решила сделать мне одолжение и помочь вспомнить все.

9.

Потянулись серые больничные будни. Я постепенно шла на поправку.

Джон не отходил от меня ни на шаг, иногда растерянно, иногда настойчиво пытаюсь закрыть с моей помощью провалы в своей памяти. Я мало чем могла ему помочь, все-таки помнил он гораздо больше меня. Правда – только про себя. Он помнил, что был учителем, что у него была мать, которая незадолго до трагедии умерла. Он ясно помнил похороны, но не мог вспомнить, в каком именно месте они происходили. Он помнил свой дом, в котором он жил, как ему казалось, всю жизнь, но не мог вспомнить адрес.

– Ты знаешь, я до сих пор ощущаю под рукой гладкие перила на нашей лестнице, отполированные многими поколениями нашей семьи. Я помню, что у нас всегда была большая семья, помню дедушку, сидящего во главе стола, бабушку с вязанием в кресле. Вот отца, только, почему-то не помню.

Осень постепенно перешла в бесснежную, теплую зиму. Я не понимала почему, но я тосковала по морозам, по снегу. Наверное, я все-таки из другого штата. Мне не хватает утренних заморозков и инея на тонких ветвях звенящих деревьев. Было скучно и не хватало воздуха, не хватало простора моим бесконечным сереньким дням.

Мы с Джоном постепенно влюблялись друг в друга заново. Я каждое утро проводила аутотренинг: это мой муж, я его люблю. И каждый день я пыталась найти в нем то хорошее, за что я могла его полюбить. Надо сказать, мне это удавалось. Да и за что его было не любить? Он был на самом деле очень мил, к тому же красив. Темные, почти черные волосы слегка падали ему на лоб, когда он о чем-то с воодушевлением рассказывал, тогда он нетерпеливо поправлял их рукой. Этот жест мне уже снился, он казался мне отчаянно родным.

Синие-пресиние глаза всегда лучились дружелюбием, а длинные ресницы почти смыкались и бросали густые тени, когда он смеялся, запрокидывая назад породистую голову. Мне нравились его губы, достаточно мужественные и четко очерченные, но в тоже время такие мягкие. Меня уже не один раз подмывало прикоснуться к ним губами, и я ловила себя на мысли, что слишком часто смотрю на них, а не ему в глаза, когда он со мной разговаривает. Он был

высоким и мускулистым, но не громоздким, двигался изящно и с достоинством, и был бесконечно обаятелен. Я начинала понимать, что не смогу прожить без него и дня, и осознала, что, скорее всего, это была моя инициатива, бегом бежать в церковь. Такое обожание вызывало у меня легкое недоумение, но я с ним быстро справилась, успокоив себя тем, что мы все равно уже женаты, значит, он меня тоже любит, и мне не надо прятать своих чувств.

Со временем встал вопрос перед нами обоими: что нам делать дальше? Меня собирались выписывать. Джон все это время жил в доме нашего врача, но разместить там нас двоих было невозможно, да и неудобно с моральной точки зрения. Три тысячи ушли на оплату моего лечения. Я, правда, не очень-то забивала себе всем этим голову. Мой муж (как странно это звучит, когда ты не помнишь ни венчания, ни фаты, ни звона свадебных колоколов) производил впечатление настоящего мужчины, я полностью полагалась на него. Была уверена, что он что-нибудь обязательно придумает. И он полностью оправдал мои ожидания.

То, что он устроился на работу учителем в местную школу, я узнала почти сразу, как только мы стали обсуждать наше положение. А за день до моей выписки, он пришел ко мне с торжествующим лицом, держа руки за спиной. Он не мог скрыть лукавой улыбки, его губы подрагивали, а озорные глаза блестели.

– В какой руке?

Я сделала вид, что задумалась, хотя мне было абсолютно фиолетово, в какой руке и что именно. Я доверяла ему полностью, и что бы он там для меня ни приготовил, я приму это с радостью. Наконец, я подняла руку и показала куда-то за его спину.

– Угадала!

И он протянул мне на ладони старый, потертый ключик.

– Я снял для нас с тобой квартиру. И еще деньги от зарплаты остались, завтра же пойдем с тобой по магазинам, оденем тебя с ног до головы. Ты у меня будешь как куколка.

Вот-вот, именно как куколка. С фарфоровой пустой головенкой и зеленющими глазами. Я буду хлопать ими и говорить «Мама!», когда меня опрокинут на спинку. А если положат на животик – буду орать благим матом и просить каши. Вот и все мое содержательное существование. А что я еще должна делать? Я ничего не умею!

И я всерьез задумалась о том, что я буду делать в этой нашей маленькой квартирке. Интересно, хотя бы готовить-то я могу? Или буду сидеть дома бесполезной тумбочкой, и ждать с работы моего красавца, накидываясь на него каждый вечер с ревнивыми вопросами: «Где был? С кем? Что делал? Когда ушел?» и далее до бесконечности.

Из невеселых мыслей меня вывел голос Джона, который расписывал акварельными красками заманчивые картины нашей будущей жизни. Как же все-таки хорошо, что он у меня есть. И на следующий день, переодевшись в выстиранные и отутюженные вещи, которые были на мне в момент аварии, я зашла попрощаться с доктором Гаррисоном, с которым, можно сказать, практически сроднилась за это время.

Он дал мне строгое напутствие:

– Обязательно раз в неделю приходите ко мне на осмотр, будем следить за возвращением к Вам памяти. И не смотрите на меня так скептически, Вы обязательно все вспомните, дайте себе время. Да, и не забывайте, что Вам нужно какое-то время будет пить успокоительные, чтобы смягчить отдаленные последствия сотрясения мозга и комы. Иначе последствия могут быть необратимы, возможно, перерождение личности.

И вот после таких утешительных слов, мы с Джоном отправились в наше гнездышко на самой окраине города. Как муж и жена. Мы, которые поклялись быть вместе и в горе, и в радости.

Дом производил удручающее впечатление. Он стоял на узкой улочке, сжатый с двух сторон другим такими же уродцами, один повыше, другой пониже. Стены из темно-красного кирпича навевали тоску и уныние. А для меня и вовсе выглядели зловеще, как зловещим для меня был сам красный цвет. Лестница была грязной, обшарпанные перила кое-где были ободраны до железного основания, видимо дерево пустили на костры. И запах стоял соответствующий.

Джон старался не смотреть на меня, опасаясь выражения моих глаз. Я сжала губы, пытаюсь не расплакаться. В полном молчании мы поднялись на четвертый этаж.

Не менее удручающе выглядела и сама квартира: маленькая, с одной спальней и гостиной, которая служила одновременно и столовой. Все было выкрашено в какой-то незапоминающийся, серый цвет, везде лежала печать запустения и бедности.

Пока Джон ставил чайник и заваривал чай, я бродила по комнатам, переставляя с места на место стулья и перекладывая подушки на диване. У меня в голове не укладывалось, что это – мой дом. Я воспринимала себя иначе, более независимой, привыкшей к уюту и благополучию.

Так же молча, мы пили чай с сухариками. Больше ничего не было. Он все понимал, мой муж. Только изредка он смотрел на меня с ободряющей улыбкой, как бы напоминая: «Ну, где же твой оптимизм, кузнечик? Мы выплывем, ты же знаешь. Иначе и быть не может». И я верила ему. Верила без слов. Это был мой муж. Это было самое главное, что могло случиться в моей жизни. У меня был рядом любимый человек, и одно это стоило того, чтобы улыбаться.

И я улыбнулась ему в ответ, а через пять минут мы уже смеялись. Над собой и убожеством нашего райского гнездышка, над соседями и смешным рыжим котом на соседнем окошке.

Ну и что, что сейчас здесь мрачно и неудобно. Я все приберу, избавлюсь от пыли, уж это-то я смогу сделать, я чувствовала. Расставлю на подоконниках маленькие горшочки с разноцветными фиалками, постелю красивые салфеточки, и белоснежной крахмальной скатертью покрою стол. Я превращу эту халупу в самое сладкое гнездышко из всех, что вы когда-нибудь видели. Я смогу.

Было тепло, в Калифорнии всегда тепло, я начинала постепенно к этому привыкать. Мне захотелось на улицу, я так долго сидела взаперти, что немедленно, сию же минуту, мне надо было оказаться на свежем воздухе.

И мы пошли за покупками. Прохожие с интересом поглядывали на нас, в их глазах явственно читалось восхищение: «Какая красивая пара! А как заботливо он держит ее под руку!». Я чувствовала себя все лучше и лучше. Плевать на бедность, плевать на мрачные дома и озабоченных людей вокруг. Жить – хорошо, а жить с Джоном – еще лучше. Сначала мы отправились недалеко, в соседний магазинчик, где купили овощей и мяса на ужин и маленькую, солнечную дыню, которая оказалась такой сладкой, что наши губы слипались от ее сока, и мы не могли отклеиться друг от друга в одном бесконечном поцелуе.

Нам пришлось вместе идти в душ, так как то ли дынный сок, то ли наше желание не давало нам расстаться ни на секунду. Мы ласкали друг друга под теплыми упругими струями воды, и снова целовались, и прижимались горячими телами.

Потом мой муж отнес меня на узкую кровать, застеленную синим постельным бельем, с безумными желтыми цветами, которые вскоре смешались в моей голове в один сумасшедший хоровод страсти, танец нашей любви.

Мне понравилось заниматься с ним сексом. Это было не утомительно и приятно, он всегда чувствовал, что и как надо делать. После первой ночи проведенной вместе, засыпая в его объятиях, я подумала, что замуж за него я вышла не зря. Прижавшись к нему всем телом, слушая его дыхание и постепенно погружаясь в сон, я думала, что никогда и ни при каких обстоятельствах я не откажусь от этого человека, я буду вместе с ним, что бы ни случилось, до тех пор, пока смерть не разлучит нас.

На следующий день у Джона тоже был выходной, и он, выполняя свое обещание, повел меня за покупками, ведь мне, и правда, нечего было надеть. Мы, не торопясь, ходили с ним по маленьким магазинчикам, выбирая для меня повседневные вещи. Я с недоумением рассматривала то, что было надето на мне, понимая, что это – совсем другой уровень. Снова возникла убежденность, что я оказалась не в той точке пространства, в которой должна была быть по определению.

Проходя мимо огромного магазина, на который Джон даже не посмотрел, не то что решиться зайти, настолько шикарно выглядели вещи в его витрине, я неожиданно зацепилась взглядом за часы. Обычные мужские часы, но они поразили меня в самое сердце, так, что я невольно застыла у огромного стекла. Джон этого не заметил и уходил все дальше. А мне казалось, что мир покачнулся, и опять раскололся пополам, и я снова явно стою не на своей половине.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.